

Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике

© 2011

Д. Смирнов

Статья посвящена особенностям идейно-политического курса КПК в процессе перехода в Китае к рыночной экономике, проблемам и противоречиям, возникшим на этом этапе, в том числе вопросу общественно-политической стабильности и некоторым аспектам эволюции социализма в КНР.

Ключевые слова: социализм, политическая система, КПК, модернизация, «тройное представительство», демократия, развитие, стабильность

Сложившаяся после образования КНР политическая система включает в себя закреплённую в Конституции руководящую роль Коммунистической партии Китая, фактически составляющую *ядро политической системы КНР*; систему собраний народных представителей, охватывающую всю вертикаль власти от уездного уровня до Всекитайского собрания народных представителей, на которую возложены законодательные и контрольные функции; сложившуюся в ходе революции систему многопартийного сотрудничества и политических консультаций, объединяющую 9 политических партий, функционирующих в рамках возглавляемого КПК Единого фронта и поддерживающих курс на строительство социализма; сформировавшийся накануне победы революции 1949 г. Народный политический консультативный совет Китая, выполняющий важные консультативные функции при комитетах КПК и народных правительствах разных уровней; систему национальной автономии от уровня уезда до автономного района, приравненного по статусу к провинции (но без признаков государственного суверенитета и тем более без права на самоопределение наций); низовую систему самоуправления, включающую в себя комитеты городских жителей (повсеместно создавались после победы революции), собрания представителей рабочих и служащих (создавались с начала 1950-х годов на предприятиях общественной собственности), комитеты сельских жителей (так называемая сельская автономия, сформировалась уже в период проведения политики реформ и открытости) и другие институты власти.

Говоря об эволюции политической системы КНР, необходимо прежде всего отметить, что в отличие от России, последовательный курс на внедрение рыночных отношений в китайскую экономику не сопровождался радикальными преобразованиями в политической системе страны. Именно в попытке совместить радикальные экономические реформы с авторитарной властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, проложенного Дэн Сяопином. Реформа политической системы в КНР не ведёт к ослаблению прямого и косвенного руководства государственно-

---

Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра политических исследований Китая ИДВ РАН. Тел.: 8(499)124-03-17.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-95142 а/тау «Модернизация в России, Китае и на Тайване. Общее и особенное».

политическим механизмом страны со стороны КПК, взявшей на себя контроль за кадровой политикой на всех уровнях власти, роль стабилизирующей силы общества и ответственность за воплощение в жизнь курса на социалистическую модернизацию.

Цель реформы политической системы в Китае в конечном счете, состоит не в ее качественном обновлении, связанном с допущением реальной многопартийности и политической конкуренции, а в достижении ее соответствия системе «социалистической рыночной экономики». Она включает в себя задачи дальнейшего развития страны по пути осуществления модернизации экономики и общества при сохранении в целом исторически сложившегося с победой революции 1949 г. государственно-политического механизма путем его постоянного совершенствования в соответствии с «вызовами времени». Между тем, главный «вызов» политической системе социализма представляет сама рыночная экономика, без которой не произошел бы скачок в развитии производительных сил КНР, и с дальнейшим совершенствованием которой связаны перспективные планы «возвышения Китая».

В ходе реформы руководство КПК стоит перед необходимостью решения двух сложнейших проблем: регулирования интересов разных социальных слоев во избежание конфликта между ними в условиях резкой имущественной поляризации населения, и сочетания демократизации политической системы с сохранением руководящей роли КПК. На теоретическом и на практическом уровне, возникает также общая проблема соответствия сложившейся в 1950-е — 1970-е гг. политической надстройки сформированному за годы реформ новому экономическому базису, в котором преобладают негосударственные формы собственности. И как следствие — соответствия принципиально новой социальной структуре китайского общества.

Компартия Китая изначально создавалась как представитель интересов рабочего класса и крестьянства и организатор построения социализма, что зафиксировано в ее уставе *и на чем официально основана легитимность однопартийного правления КПК*. Теория пока не дала ответа на вопрос, до какой степени сжатие доли государства в совокупной общенациональной собственности в пользу новых социальных слоев может происходить безболезненно для сохранения экономической основы монополии КПК на власть и, соответственно, сохранения существующей политической надстройки над стремительно меняющимся экономическим базисом.

Вслед за либерализацией в конце 1980-х гг. советской экономики при прогрессирующем ослаблении по всей стране, в первую очередь в национальных районах, руководящей роли КПСС поднялся вал хорошо организованных массовых политических акций, подготовивших условия для последующего разрушения политической системы СССР. Этому способствовал фактически осуществленный тогдашним советским руководством переход к конституционному правлению во главе с избранным Съездом народных депутатов президентом страны, что автоматически исключало главенствующую роль КПСС.

Руководство КПСС, сперва во многом под влиянием чехословацких событий, испугалось проведения серьезных экономических реформ, а затем, руководствуясь интересами конвертации власти в собственность, утратило контроль над набиравшим силу процессом расшатывания существовавшей тогда политической системы. Лидеры Китая во главе с Дэн Сяопином поступили ровно наоборот, начав процесс кардинального реформирования экономической системы, не поддавшись при этом соблазнам так называемого «нового мышления», благодаря чему *удалось обеспечить постепенный и последовательный характер проводимых преобразований при сохранении твердого политического контроля над ситуацией в стране*.

Этому способствовал и своевременно проведенный реформаторским ядром китайского руководства во главе с Дэн Сяопином пересмотр идеологической платформы КПК, основанной в то время на «идеях Мао Цзэдуна», что позволило устранить идеологические барьеры на пути адаптации партии к требованиям решения задач перевода экономики на рыночные рельсы. Пересмотр был проведен таким образом, чтобы не «расшатать» политическую ситуацию, для чего была сохранена внутренне противоречивая и во

многим формальная идейная преэминентность идеологической платформы с помощью «канонизации» образа вождя китайской революции Мао Цзэдуна с «очищением» его образа от всего, что не отвечало задачам рыночной перестройки экономики¹. Этим было положено начало процессу своеобразной «канонизации» последующих партийных вождей КПК — Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя (сборник избранных трудов последнего недавно вышел в КНР).

«Демаонизация» идейно-теоретической платформы партии позволила привести ее в соответствие с рыночным направлением реформ. Это нашло отражение в теории социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина, основанной на допущении имущественного расслоения населения и разрывов в уровнях развития регионов с целью мобилизации всех ресурсов для активизации предпринимательской активности по всей стране. Ключевым моментом дэндовской теории стала идея развития, воплотившаяся в 1990-е гг. в концепцию наращивания комплексной (совокупной) государственной мощи Китая. Воплощение этой идеи в жизнь в условиях однопартийного правления в обстановке обострения социальных проблем выдвинуло на первый план проблему поддержания социально-политической стабильности. Решение этой проблемы оставалось и остается категорическим императивом деятельности партийно-государственного руководства КНР на всем протяжении периода проведения политики реформ и открытости.

Теория Дэн Сяопина стала в Китае идейно-политической основой переходного периода от командно-административной экономики и соответствовавшей ей сверхцентрализации управления к рыночной экономике и децентрализации управленческой системы. Проводившаяся под руководством Дэн Сяопина политика реформ и открытости обеспечила досрочное осуществление программы «четырёх модернизаций», приведшей в качественно новое состояние экономику и общество в Китае, изменившей его роль и вес в мировой политике. Вместе с тем, односторонняя нацеленность на обеспечение экстенсивного экономического роста по существу любой ценой привела к появлению ранее не существовавших социальных проблем (резкое имущественное расслоение китайского общества, фактически возникновение двух его полюсов; распространение коррупции как системного явления, свойственного обществу переходного периода; коммерциализация сферы социального обеспечения — жилья, образования и пр.). Еще больше обострились имевшиеся ранее социальные проблемы (безработица, отсутствие всеохватывающей системы социального обеспечения). Еще одним побочным результатом преобразований стало появление целого ряда социальных болезней и процесс деидеологизации общества. Самым серьезным негативным итогом дэндовского периода явилось критическое ухудшение состояния природной среды и дефицит природных ресурсов, прежде всего питьевой воды, основных энергоносителей и т.д.

Новым этапом трансформации партийной идеологии в новых внутренних и внешних условиях стало принятие в начале 2000-х гг. концепции «тройного представительства» КПК (саньгэ дайбяо); другой вариант перевода — концепция «трех представительств»². Концепция была направлена на примирение накопившихся социальных противоречий путем фактического отказа компартии от классовых критериев и превращения ее в партию, выражающую интересы всей китайской нации, включая классы, антагонистические по своей природе (рабочий класс и буржуазию). По существу — придать легитимность проводимой политике и, соответственно, продолжению правления КПК на современном этапе социально-экономического развития КНР, ряд вышеуказанных черт которого идет вразрез с принципиальными положениями устава КПК как партии — защитницы интересов трудящихся. Сохранение руководящего положения КПК как гаранта продолжения строительства социализма с китайской спецификой связывается с решением задачи повышения управленческого потенциала партии (политического, идеологического и организационного) через развитие внутрипартийной демократии, реформирование кадровой системы и борьбу с коррупцией.

При разработке концепции «трех представительств» учитывались и исторические уроки развала СССР. Тема причин распада СССР постоянно остается в поле зрения

китайских политологов, она активно изучается в Институте России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, в Пекинском университете и многих других университетах и академических центрах. Для изучения рассматриваемой темы в Китае характерно то, что оно не ограничилось «вспышкой» интереса к причинам этого, имевшего глобальное влияние события и возможным последствиям его для Китая в начале 1990-х гг. Она продолжает целенаправленно и планомерно изучаться на протяжении почти двадцатилетнего периода в поисках обусловленных глубинными причинами закономерностей развития социализма в СССР и теоретических обобщений «уроков» развала Советского Союза для Китая.

В вышедших в КНР за последнее десятилетие многочисленных публикациях, анализирующих причины распада СССР, а также в выступлениях руководителей КПК, в официальных партийных документах и материалах даны оценки всего комплекса этих причин, приведших к коллапсу СССР в экономике, сферах идеологии, государственно-политического устройства, межнациональных отношений и национальной политики.

Позиция китайских исследователей в отношении исторического перелома в СССР на рубеже 1980-х — 1990-х гг. наиболее четко была выражена в начале 1990-х гг. одним из самых авторитетных китайских обществоведов Ма Хуном, который отметил два принципиальных отличия дэнзовских реформ от реформ в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Во-первых, общественная собственность в КНР являлась основой экономики, достижения всеобщего благосостояния, совершенствования социалистического строя и развития социализма; а «у них» — «реформа заключалась в проведении приватизации», отрицании социалистического строя. Во-вторых, советская реформа проводилась методами «шоковой терапии», а в Китае — путем экспериментирования, обобщения опыта, поэтапно и планомерно³.

Выступая на 4-м заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины 14 января 2000 г. на тему «тройного представительства» КПК, бывший в то время генеральным секретарем ЦК КПК и председателем КНР Цзян Цзэминь поставил вопрос о причинах, приведших к развалу СССР и об уроках этих событий для Китая. По его словам, начиная с достигнутой под руководством Ленина победы в Октябрьской революции и до периода после окончания Второй мировой войны, когда Китай и ряд других стран встали на путь социализма, он доказал свою жизненную силу и изменил соотношение сил в мире. Но в конце XX в., с развалом СССР и переменами в Восточной Европе, социализму был нанесен серьезный удар. Это, подчеркнул Цзян Цзэминь, требует ответа на вопросы о том, какие причины привели к этому? Отчего развалился Советский Союз? Почему КПСС, имевшая длительный исторический опыт руководства страной, упустила власть и развалилась сама? Какие уроки должен из этого извлечь Китай?

Как отмечали китайские теоретики, выдвинутая Цзян Цзэминем концепция «тройного представительства» «на основе соединения теории с практикой» дала возможность «глубоко осмыслить» причины развала СССР и краха социализма в Восточной Европе, «последовательно обобщить уроки» этих исторических событий и выработать правильную политику, которая должна опираться на передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы народа. Те партии в разных странах, которые долгое время находятся у власти, но не осуществляют политику «тройного представительства», неизбежно вынуждены уходить с политической арены. Выполняя функцию «тройного представительства», правящая партия должна внимательно отслеживать новые изменения, противоречия и вовремя вносить коррективы в свою политику. В этом и состоит главный урок 80-летней истории КПК и полувековой истории международного социалистического движения второй половины XX столетия⁴.

Концепция «тройного представительства» КПК, при разработке которой прямо учитывался «урок» гибели социализма и последующего развала самого государства на территории СССР, была официально принята на XVI съезде КПК в 2002 г. в качестве идейно-теоретической платформы партии на новом историческом этапе — этапе по-

строения в Китае общества «среднего достатка» (сяокан) — и впоследствии закреплена в Конституции КНР, получив тем самым статус официальной государственной идеологии.

В пропаганде этой концепции *подчеркивалось, что «глубокое понимание» идеи «тройного представительства» «невозможно без изучения серьезных уроков устранения от власти КПСС и распада Советского Союза».* При этом делался акцент на две основные непосредственные причины среди всего комплекса факторов, обусловивших развал Советского Союза: реализацию западной установки на «мирное перерождение» СССР и превращение проводившейся там «реформы» в изменение общественного строя. В идеологии же главным уроком считается отступление и отказ тогдашнего советского руководства от марксизма. Но хотя распад СССР и был осуществлен с помощью политических и идеологических средств, его первопричина кроется в экономическом застое, подготовившем почву для массового недовольства народа существующим положением и восприимчивости пропаганды западного «процветания», прав и свобод человека и т.д.

Именно экономический застой позволил Западу совершить «мирное перерождение» Советского Союза при попустительстве значительной части его бывшего руководящего аппарата всех уровней, заинтересованной в ликвидации социалистической системы как таковой в целях собственного обогащения и составлявшей основу «новой властной элиты» в постсоветской России. Не случайно уже менее чем через месяц после распада СССР Дэн Сяопин во время своей исторической поездки на Юг Китая в 1992 г. подчеркнул, что центральной задачей КПК является экономическое строительство и ускорение темпов проведения политики реформ и открытости, поскольку ясно понимал, что глубинная причина перерождения Советского Союза кроется в его экономической политике, для которой был характерен догматизм и неспособность к теоретическому обновлению марксизма на основе соединения его основных положений с практикой, сменившиеся затем резким разрывом с марксизмом. Таковы основные уроки распада СССР в интерпретации партийных теоретиков КПК. *Особое место здесь отводится вопросу о ключевой роли правящей партии в предотвращении тенденций, ведущих, в конечном итоге, к развалу государства, и об опасности утраты правящей партией массовой народной поддержки*⁵

Среди важных факторов, ускоривших или способствовавших развалу советского государства, китайские исследователи указывают также на чрезмерную компромиссность внешней политики тогдашнего руководства СССР по отношению к Западу, основанную на «односторонних уступках», «создавшую условия» для реализации западной стратегии «мирного перерождения» СССР и ослабившую международные позиции Советского Союза. Отмечен также эффект бумеранга, который возымело «новое мышление», ставшее катализатором эволюционных процессов в странах Восточной Европы, «ускоривших распад СССР». И, конечно, резкое обострение национальных конфликтов и давно копившихся межнациональных противоречий под влиянием лозунгов «демократизации» и «открытости», которые привели к настоящему «национальному кризису», «подорвавшему политическую стабильность в советском обществе и усугубили политический кризис»⁶.

В конечном итоге распад СССР произошел именно по границам бывших союзных республик, в связи с чем уместно отметить *принципиальное отличие системы районной национальной автономии в КНР от аналогичной системы в бывшем Советском Союзе, составившей юридическую базу для территориально-политического развала последнего в 1991 г. Это — самоуправление автономных районов в составе единого китайского государства в отличие от союза национальных республик в СССР, государственно-политическое устройство которого базировалось, таким образом, на этнической основе и союзные республики обладали по Конституции правом выхода из состава СССР, чем они в конечном счете и воспользовались в условиях обострения всестороннего кризиса конца 1980-х — начала 1990-х гг.*

Таковы основные моменты, на которые указывают китайские исследователи при анализе причин распада СССР. Не преувеличивая значение данного фактора для форми-

рования внутренней и внешней политики КНР в 1990-е — начале 2000-х гг., можно констатировать его определенное влияние на выработку ряда принципиальных политических установок: бескомпромиссную позицию относительно сохранения руководящей роли КПК, пересмотр партийной идейно-теоретической платформы в духе концепции «тройного представительства» КПК, принятие в последующие годы решений в целях повышения руководящего потенциала партии и осуществления курса на построение «социалистического гармоничного общества», твердое отстаивание полного национального суверенитета во всех вопросах, касающихся внутренней жизни КНР.

Как отмечают китайские исследователи, происходящая вследствие развития рыночной экономики социальная дифференциация китайского общества, его увеличивающиеся расслоение на богатых и бедных и формирование новой структуры социальных интересов, сопровождающееся появлением новых социальных противоречий и конфликтов, неизбежно оказывают глубокое воздействие на общественное сознание и доминирующую идеологию, приводят к «резкому обострению борьбы в сфере идеологии». Вместе с тем, эти явления и их последствия порождают «новый вызов» основе «легитимности» КПК, которую нужно строить на базе «поиска собственного» пути обоснования легитимности. Этот путь увязывался с происходящей в Китае «системной трансформацией», влекущей распространение содержания реформы с экономической сферы на сферу деятельности правительства, строительство и развитие «политического ядра Китая» — КПК. Правящая в Китае партия уже превратилась «из революционной партии в традиционном понимании в правящую партию в современном понимании», перешедшей от «осуществления модернизации посредством революции к осуществлению модернизации посредством строительства». Перед КПК стоит задача, изучив «общие закономерности» развития политических партий в мире, найти «новые источники политической легитимности» ради укрепления собственных позиций⁷.

В последние годы обозначился поворот в сторону усиления социальной направленности политики КПК, призванной смягчить вышеуказанные противоречия, не допуская дестабилизации социально-политической обстановки в стране. Социальная направленность курса, проводимого на основе «научной концепции развития», со всей очевидностью проявилась в мерах китайского руководства по преодолению последствий для Китая мирового финансового кризиса 2008 г. (что весьма наглядно отражено в решениях последних сессий ВСНП, состоявшихся в марте 2009 г. и в марте 2010 г.) Принципиально важным в них являются отход от дэновской установки на «первоначальное обогащение» части людей и регионов и приоритетность задачи обеспечения социальной стабильности и сохранения природной среды, акцент на качество развития взамен простого количественного роста.

Вместе с тем, нельзя не видеть всей сложности задачи согласованного гармоничного развития при нынешней остроте социальных и экологических проблем. Запаздывание с решением социальных вопросов может подорвать стабильность, но одновременно потребует огромных средств за счет экономического роста (хотя в долгосрочной перспективе обеспечит нормальную социальную среду для всестороннего развития страны). Следует также учитывать противоречие между приоритетом развития производительных сил, требующим — особенно после вступления Китая в ВТО — максимального повышения международной конкурентоспособности страны при неизбежных социальных издержках, и между официально декларируемым выражением Компартией Китая интересов всех слоев общества, включая те, которые страдают от модернизации производства (избыточной массы городского и, особенно, сельского населения, не нашедшей своего места в современной рыночной экономике). Возможно возникновение определенных противоречий внутри самой партии между приверженцами традиционной рабоче-крестьянской опоры КПК и теми, кто стоит за легализацию капиталов, накопленных в условиях коррумпированности значительной части партийно-государственного аппарата. В силу отсутствия общих интересов у маргиналов, рабочих и служащих, боящихся потерять свои рабочие места, а также крестьян, многие из которых в поисках работы вынуж-

дены отправляться в города, пополняя массу люмпенизированных мигрантов, и «новых китайцев», над КПК нависла угроза раскола на тех, кто заинтересован в продолжении курса на ускоренное экономическое развитие, и тех, кто недоволен его социально-политическими, идеологическими и нравственными издержками. Таким образом, в Китае объективно созрели условия для возникновения левой оппозиции, представляющие опасность в случае дестабилизации обстановки. Многие будут зависеть также от того, насколько действительно лояльной окажется возникшая в годы реформ широкая прослойка частных собственников, включая фактически сформировавшийся класс буржуазии, в том числе, крупной. Конечно, объективно он не заинтересован в политической дестабилизации, подобной событиям 1989 г., но нельзя исключать вероятность того, что рано или поздно он начнет отстаивать свои собственные корпоративные и классовые интересы, а значит, выступит в качестве самостоятельной политической силы.

История КПК свидетельствует о том, что в ходе внутренней межфракционной борьбы партии всегда удавалось сохранять организационное единство на платформе борьбы за построение социализма. Но теперь Китай находится в других исторических условиях, при которых прежнее относительно однородное общество стремительно дифференцируется, нарастание требований демократизации существующей политической системы вызвано уже не лозунгами, «подброшенными» из-за рубежа, а конкретными экономическими и политическими интересами появившегося внутри страны класса собственников. Вместе с крахом мировой социалистической системы ушли в прошлое идеалы социалистического интернационализма, а место прежнего идеологического противостояния в нынешнюю эпоху глобализации заняла борьба наций за выживание в условиях жесткой конкуренции за мировые ресурсы и рынки. Наконец, следует учитывать и массовое омоложение управленческих кадров, сформировавшихся в годы реформ, в ходе которых в китайском обществе, особенно в среде молодежи происходила неуклонная эрозия традиционных социалистических взглядов и ценностей.

Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от реально складывающейся обстановки в стране, прежде всего, от того, насколько далеко зашел процесс социального расслоения общества, какова критическая масса недовольных реформами, каковы пределы ее терпения и возможности ее организации как сторонниками прозападных либеральных взглядов, так и приверженцами марксизма в его левацкой трактовке. Огромную, может быть, решающую роль в «регулировании» всех этих противоречий будет играть способность правящей партии поддерживать устойчивое экономическое развитие и одновременно обеспечивать приемлемый для экономики уровень социальной справедливости и общеприемлемый баланс социальных интересов. Граница социально-политического компромисса будет определяться, прежде всего, реальной ситуацией в стране и задачей не допустить дальнейшего углубления имущественного расслоения общества до угрозы возникновения социального взрыва; внутренней логикой реформ, которая в свое время подвигла Дэн Сяопина на пересмотр прежней ортодоксальной модели социализма; расстановкой сил в китайском руководстве; реальной степенью влияния новых социальных слоев на экономическую и политическую жизнь страны; общим соотношением внутренних социально-политических сил; проблемой завершения воссоединения Китая и, не исключено, влиянием внешних факторов.

Рассматривая три варианта развития Китая — «устойчивое продвижение вперед по пути к намеченной цели всестороннего построения общества средней зажиточности», «отклонение» от этой цели и «невозможность» ее достижения — китайские специалисты пришли к следующим выводам. За исключением первого варианта, экономический рост не только не сможет обеспечить продвижение китайского общества к цели всестороннего построения среднезажиточного общества, но, напротив, при реализации второго варианта развития экономический рост может усилить социальное расслоение, что приведет к беспорядкам и конфликтам. Третий вариант развития Китая может вызвать социальные конфликты и потрясения. Если вновь не удастся обеспечить скоординированное развитие экономики и общества, города и деревни, то это повлечет за собой «огромные трудно-

сти» для решения намеченных государством задач развития по пути всестороннего построения общества средней зажиточности⁸.

Особо следует отметить, что в условиях социальной поляризации китайского общества и возрастания сложности задач управления процессом всесторонней модернизации страны *возрастает актуальность борьбы с коррупцией как опасным фактором социально-политической дестабилизации*. Очевидно, что для успеха в этой борьбе, помимо политической воли высшего руководства страны, требуется дальнейшая демократизация политической системы, что отвечает интересам значительной части интеллигенции, предпринимательских кругов и других слоев населения (хотя, как показывает опыт того же Тайваня, даже сменяемость партий у власти не гарантирует избавления от коррупции, в том числе и на высшем уровне). Процесс постепенной демократизации в КНР уже происходит по линии осуществления «правления на основе закона», активизации роли единого фронта, реформирования системы административного управления, повышения партийного и общественного контроля над властью чиновников, уравнивая квот на выдвижение кандидатов в депутаты собраний народных представителей всех уровней от городского и сельского населения, расширения «низовой демократии в городах и селах», закрепления в Конституции положений о защите прав человека и законной частной собственности и т.д., Однако, в конечном счете процесс демократизации может вступить в противоречие с фактически существующей однопартийной системой государственного управления.

В последнее десятилетие в научных и общественных кругах КНР широко обсуждается проблема демократизации государства и общества, чему объективно способствуют как нарастающая социальная дифференциация, быстрое возрастание доли интеллигенции и вообще образованной части населения в китайском обществе, так и продолжающаяся уже три десятилетия политика открытых дверей, наличие примера демократизации прежнего авторитарного режима на Тайване, равно как и постоянное давление со стороны Запада в вопросах демократии и прав человека. Тем не менее, *нынешние руководители КПК, равно как и их предшественники, принципиально не идут на принятие предлагаемого различными оппозиционными силами принципа «конституционного правления»* (а такой призыв содержится в нашумевшей «Хартии-08», основные принципиальные положения которой совпадают с принятой чехословацкими диссидентами в 1977 г. «Хартией 77»)⁹, так как его последовательное проведение в жизнь рано или поздно поставит под вопрос легитимность монополии КПК на власть. К тому же, в Китае прекрасно усвоили уроки КПСС, однажды вставшей на путь конституционного правления в конце 1980-х гг. Принимаемые китайским руководством стратегии социально-экономического развития, тем более партийного и государственного строительства, разрабатываются с учетом этих уроков.

Несмотря на политический кризис 1989 г., приведший к трагическим событиям на площади Тяньаньмэнь, правящей Коммунистической партии Китая удавалось на протяжении 30 с лишним лет поддерживать общественно-политическую стабильность по всей стране (кстати, сами эти события тогдашнему руководству КПК удалось локализовать в Пекине). Это свидетельствует об относительной устойчивости сформированной в 1950-е гг. и трансформированной в период проведения политики реформ и открытости в 1980-е — 2000-е гг. политической системы, *ее адекватности условиям Китая и эффективности в проведении всесторонней модернизации страны*, свидетельством чему служит беспрецедентный модернизационный рывок КНР за столь короткое историческое время. С другой стороны, именно успешное социально-экономическое развитие КНР, происходившее устойчиво высокими темпами на протяжении трети века подряд, обеспечило условия, гарантирующие общественно-политическую стабильность и легитимность однопартийного правления КПК в глазах большей части китайского общества. Но здесь же кроется и опасность для сохранения существующего положения в случае неспособности правящей партии преодолеть последствия очередного экономического, социального или экологического кризиса.

Обращает на себя внимание проявившийся в последние годы взаимный интерес правящей в Китае партии к опыту правления других партий, в том числе «Единой России» (что проявилось, в частности, в проведении совместных научно-практических конференций)¹⁰. КПК имеет опыт обеспечения долговременного монопольного руководства страной в условиях проведения многолетних рыночных реформ в экономике при сохранении формального института многопартийности, действующего в Китае в составе Единого фронта во главе с КПК и призванного представлять интересы различных социальных слоев. «Единая Россия» обладает опытом формирования такой модели правления, которая внешне не отличается от принятой на Западе системы политической конкуренции и разделения трех властей, но при этом реально не допускает появления так называемой внесистемной оппозиции. Тем самым обеспечивается долговременная политическая стабильность на основе фактической несменяемости власти (во всяком случае на протяжении как минимум последнего десятилетия) в условиях проведения радикальных рыночных преобразований в весьма сложной социально-политической обстановке. Данный опыт «процедурной», по существу «имитационной демократии» может представлять интерес для КПК с точки зрения возможной перспективы более глубокой перестройки политической системы под давлением ускоряющейся социальной трансформации китайского общества и идейно-политической оппозиции извне.

Существующая в Китае система однопартийного правления имеет свои преимущества: долговременную относительную политическую стабильность, а следовательно — возможность длительного стратегического планирования, затрудненного в обстановке регулярных выборных кампаний; прямой и косвенный механизм политического контроля на всех уровнях управления сверху донизу, а отсюда — отсутствие политических и организационных препятствий для выполнения принятых стратегических решений. Вместе с тем, отсутствие политической конкуренции объективно не способствует решению задач борьбы с коррупцией и повышению общей эффективности работы государственного аппарата. Чрезвычайно высока роль субъективного фактора в принятии и выполнении решений и, соответственно, цена возможных ошибок высшего руководства, слабо ограниченной системой внешних противовесов. Наглядный тому пример — политика «позднего Мао», хотя нужно отметить, что за годы реформ в КПК создана и постоянно укрепляется система внутренних институциональных барьеров против рецидивов культа личности и субъективистского произвола на всех уровнях. При проведении рыночных реформ существует потенциальная угроза реализации интересов бюрократии по приватизации государственного имущества по сходному с российским сценарию. В условиях однопартийного правления и отсутствия политической конкуренции основным ограничителем здесь является лишь политическая воля высшего партийного руководства.

И в России, и за рубежом не прекращаются споры относительно достоинств и недостатков методов «шоковой терапии» и «градуалистского развития». Представляется нелишним упомянуть здесь ряд общеизвестных очевидных моментов, которые необходимо учитывать при подходе к анализу сложнейшей проблемы выбора пути развития для той или иной страны.

1) Истинные, а не формально декларируемые цели преобразований, предопределяющие и средства их проведения, и их «социальную цену». Здесь особое значение имеет *социальная ответственность правящих элит*.

2) *Учет реальной специфики страны*, а не односторонняя ориентация на те или иные теоретические построения и шаблоны.

3) *Реальная степень самостоятельности страны* в определении целей, методов и темпов преобразований.

4) *Реальная способность правящих элит провести в жизнь объявленную стратегию развития*. Здесь в первую очередь важна их способность противостоять коррупции.

5) *Уровень приемлемости содержания и темпов преобразований для общества без подрыва социально-политической стабильности* или неуклонной деградации самого общества. А это, в свою очередь, во многом, а может, и в основном зависит от того, про-

водятся ли экономические, социальные и политические преобразования в период стабильного экономического роста или в период кризиса.

6) *При сопоставлении опыта модернизации постсоветской России и Китая следует учитывать глубокие социально-экономические и политические различия между двумя государствами, не позволяющие в полной мере корректно проводить сравнительный анализ.*

7) Спорным остается вопрос о том, обязательным ли условием модернизации является быстрое проведение демократизации государственного строя. Опыт СССР и КНР (как и Тайваня), показывает, что *по крайней мере на начальном этапе модернизации именно авторитарная политическая власть обеспечивает необходимую концентрацию ресурсов, прежде всего государственных, для осуществления стратегических задач модернизационного прорыва.*

При анализе политической эволюции КНР закономерно возникает вопрос о том, почему она начала развиваться по советской модели, а затем пошла по пути левацких экспериментов. Не претендуя на исчерпывающий ответ, позволим себе предположить, что здесь сыграли роль два основных фактора — внутренний и международный. Сохранение в неизменном виде после победы революции 1949 г. новодемократической политики, направленной на развитие национального капитализма, несло в себе угрозу скорого появления социальных противоречий, неизбежного при передаче земли в частную собственность крестьянам и поощрения развития свободного предпринимательства, тем более опасного в условиях военной разрухи и инерции классово-политической борьбы и социальной розни периода гражданской войны с Гоминьданом и послереволюционных реформ в городе и в деревне. С другой стороны, при разработке стратегии новодемократической революции Мао Цзэдун рассчитывал на поддержку США в послевоенном строительстве новодемократической экономики. Вместо этой поддержки США открыто вмешались во внутрикитайский конфликт на стороне Гоминьдана, а реальную помощь в этой гражданской войне Мао Цзэдуну оказал Советский Союз, прежде всего путем создания военно-экономической базы в Маньчжурии. Опираясь на эту базу, НОАК сумела достичь перелома в военном противостоянии с Гоминьданом, что в сочетании с политическим курсом КПК, обеспечившим ей поддержку со стороны самых широких слоев китайского народа, привело к конечной победе новодемократической революции. Практически сразу вслед за победой революции 1949 г. началась война в Корее, где КНР выступила в качестве военно-политического союзника СССР, получая от него военную и экономическую помощь и находясь в изоляции от капиталистического мира. В этой обстановке внешняя зависимость КНР от Советского Союза, естественно, не могла не повлиять на формирование стратегии развития Китая, тем более учитывая значимость Китая для СССР как второй по потенциалу страны социалистического лагеря, и просто как соседней державы, имеющей самую протяженную границу с СССР. Нельзя здесь, по-видимому, исключать и притягательного примера быстрого проведения индустриализации в СССР после гражданской войны, позволившей ему выиграть Великую Отечественную войну, а после нее ускоренными темпами провести восстановление народного хозяйства и создать атомное оружие, благодаря чему Советский Союз после Второй мировой войны стал наряду с США мировой сверхдержавой и по военно-экономическому потенциалу, и по международно-политическому влиянию, с чем Мао Цзэдун не мог не считаться. Нужно, безусловно, также учитывать внутреннюю логику и инерцию развития политической ситуации в стране после прихода КПК к власти, в целях удержания которой она не могла останавливаться на полпути в условиях сопротивления городской буржуазии и ожесточенной идеологической борьбы в обстановке международной изоляции и сохранения де-факто и де-юре на Тайване старой гоминьдановской власти, признаваемой ведущими капиталистическими странами и по-прежнему представлявшей Китай в Совете Безопасности ООН.

Резкий поворот «влево» в конце 1950-х гг. также объясняется, на наш взгляд, сочетанием внутренних и внешних факторов. Внутри китайского руководства велась не-

прерывная полемика по вопросу определения стратегии модернизации (Лю Шаоци выступал за длительное сохранение новодемократического курса, Мао Цзэдун был против этого), переплетавшаяся с борьбой за власть. Ускоренное проведение социалистических преобразований в городе и деревне методами административного давления породило у значительной части китайского руководства иллюзию возможности «большого скачка» собственными силами, опираясь на энтузиазм широких масс и на уже созданный в 1950-е гг. с помощью Советского Союза фундамент военно-промышленного комплекса, включая и основу будущего ракетно-ядерного потенциала. На попытку совершить «большой скачок», безусловно, повлияло соперничество между тогдашними лидерами КНР и СССР за верховенство в мировом коммунистическом движении, обострившееся вследствие сворачивания Советским Союзом помощи КНР. Учитывая то, как последовательно Мао Цзэдун отстаивал в середине 1950-х гг. переход КНР к собственной, отвечающей условиям Китая модели развития, его попытка использовать восстановление экономического потенциала и форсированное проведение социалистических преобразований для совершения рывка в социально-экономическом развитии методами «большого скачка» и насаждения «народных коммун» представляется закономерной, хотя авантюрные методы проведения этой политики трудно поддаются объяснению. Если рассмотреть в совокупности все аспекты политики «большого скачка» и «народных коммун», включая также прогрессирующее со времени XX съезда КПСС ухудшение советско-китайских отношений, очевидной становится цель этой политики, состоявшая не только в том, чтобы за несколько лет «догнать и перегнать» Англию, но и в утверждении, пусть и такими методами, политической, военной и экономической самостоятельности от СССР и установлении тотального контроля над всем обществом со стороны возглавлявшейся им партократии. Хотя непосредственные результаты попытки внедрения «военного коммунизма» оказались провальными, задача утверждения полной самостоятельности и собственного пути развития была достигнута.

При рассмотрении процесса политической эволюции КНР также неизбежно возникает вопрос, почему китайское руководство во главе с Дэн Сяопином не вернулось в конце 1970-х гг. к советской модели, а пошло по рыночному пути? Здесь также прослеживается сочетание внутренних и внешних факторов. Во-первых, следует учесть, что импульс движению за реформы шел не только сверху, но и снизу — с фактического раздела земли крестьянами, данный процесс по сути был легализован высшей властью и получил направление и развитие в виде семейного подряда на селе. Без этого при имеющемся состоянии производительных сил спасти страну от угрозы голода после многолетних левацких экспериментов с неизбежной дестабилизацией обстановки вплоть до угрозы гражданской войны было невозможно. В свою очередь внедрение семейного подряда объективно требовало создания рынка для обмена сельскохозяйственной продукции на производимые в городе потребительские товары и средства производства для деревни. Без этого пришлось бы сворачивать начатые преобразования, противопоставив тем самым власть крестьянству. Так что логика постепенного внедрения рыночных отношений диктовалась самой ситуацией. В то же время уже во второй половине 1970-х гг. в Советском Союзе стали проявляться симптомы застойных явлений как в экономике, так и в политике, но прежде всего они обозначились в темпах научно-технического прогресса, в результате чего СССР не выдержал конкуренции с Западом в условиях гонки вооружений и вскоре сошел с исторической арены. В этих условиях для китайского руководства вряд ли было логичным вновь вставать на путь советской модели социализма, чреватый повторным попаданием Китая в зависимость от СССР, тем более, что КНР к тому времени уже обладала такими атрибутами великой державы, как ядерное оружие и искусственный спутник Земли, и в условиях противостояния двух сверхдержав имела возможность привлечения передовых технологий и инвестиций с Запада, чем она и воспользовалась.

Пока трудно однозначно ответить на вопрос о том, что же на самом деле строится в КНР: социализм или капитализм. Для ответа на него требуется прежде всего определить само понятие социализма, содержание которого варьируется, и весьма широко, от

страны к стране и от эпохи к эпохе. Применительно к Китаю периода проведения политики реформ и открытости можно, как нам представляется, говорить о постепенной либерализации экономики с упором на экономическую эффективность в ущерб социальной справедливости, но при сохранении прежней политической надстройки в эпохи Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, и изменении вектора социально-экономического развития в пользу усиления социальной политики государства, в том числе в интересах повышения качества экономического развития, в начале 2000-х гг. Очевидно, что достижение определенной критической массы среднего класса на каком-то этапе построения среднезажиточного общества в КНР не сможет не повлечь за собой изменений в политической системе, о чем свидетельствуют примеры ряда стран Азии и Латинской Америки. Но учитывая гигантские размеры и неравномерность развития Китая, его особое положение в мире как великой державы, выходящей на уровень сверхдержавы, сложившуюся за 60 лет после прихода КПК к власти политическую систему, опирающуюся на культурно-исторические традиции китайской нации, вряд ли уместно проводить прямолинейные сравнения с Россией, а тем более с меньшими по своим масштабам по сравнению с Китаем странами.

1. См.: Чжунго гунчаньдан чжуньян вэйюаньхуэй гуаньюй цзяньго илай данды жогань лишн вэньтиды цзюеи [Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР]. Пекин, 1981.
2. См. подробнее содержание этой концепции: Чжунго дяоча баогао (2000–2001) — синь синши ся жэньминь нэйбу маодунь яньцзю [Доклад об обследовании Китая (2000–2001) — исследовании противоречий внутри народа в новых условиях]. Пекин, 2001.
3. Чжунгун данши яньцзю. 1994. № 1. С. 34.
4. Чжунго дяоча баогао... С. 11–12.
5. Лилунь цяньянь. 2002. № 4. С. 10–12.
6. См.: Сулянь синван шиган [История подъема и падения Советского Союза]. Пекин, 2004. С. 740–741, 761–763.
7. Шэньчжэнь дасюе сюебао (Жэньвэнь шэхуэй кэсюе сюебао). 2001. № 5. С. 20–21; Чжунго чжэньчжи. 2002. № 11. С. 3–5, 8; Лилунь цяньянь. 2002. № 18. С. 45.
8. См.: *Дин Юаньчжу и др.* Чжунго 2010 нянь: фэнсянь юй гуйби [Китай в 2010 г.: риски и уход от рисков]. Пекин, 2005. С. 68–70.
9. См. подробнее: *Ломанов А.В.* Альтернативные политические программы в современном Китае // КНР: Поиск стабильности на пике мирового финансового кризиса. М., 2009. С. 22–36 (ИМ Сер. В «Общество и государство в Китае в период реформ»; Вып. 24); *Ломанов А.В.* Внутриполитические споры в КНР и их международный резонанс // КНР: институционализация опыта реформ. М., 2010. С. 35–46 (ИМ Сер. В «Общество и государство в Китае в период реформ»; Вып. 25).
10. К примеру, «Политический форум «Российско-китайские отношения под мировым и региональным углом зрения» (25–26 мая 2007 г., г. Москва) «Единая Россия — КПК».